

13 ноября 1971

Соб. мемуары, 1971, 13 ноября

«ЭТАКАЯ СМЕШНАЯ КОМЕДИЯ»

В начале 30-х годов тогда еще молодой актер Художественного театра Григорий Григорьевич Конский часто встречался с писателем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, работавшим в то время во МХАТе. Об одной из встреч Григорий Григорьевич и рассказывает сегодня.

СНЕГ. Он идет уже несколько дней и, несмотря на все старания дворников, покрывает всю Арбатскую площадь.

Я провожаю Михаила Афанасьевича домой, в Нащокинский переулок. Идем молча. Не потому, что не о чем говорить, а потому, что Михаил Афанасьевич о чем-то задумался. Идет он быстро, не смотря под ноги. Выражение лица все время меняется, как будто в голове его все время пробегают разные, сменяющие друг друга мысли.

Так же молча пересекаем мы площадь. И вдруг, внезапно, Михаил Афанасьевич останавливается у памятника Гоголю и долго, не отрываясь, смотрит ему в лицо, слегка задев голову. Потом, так же молча, он медленно обходит памятник и внимательно, как будто видит их в первый раз, всматривается в барельефы героев гоголевских произведений. Потом смотрит на памятник сзади. Резко поворачивается и быстро идет по бульвару.

Одет он в какое-то странное меховое пальто, не подбитое мехом, а мехом наружу, чуть не складное, мешковатое и вместе с тем какое-то очень элегантное. На голове его — шапка этого же меха. И очень странно видеть, как он, такой неуклюжий в этом меховом одеянии, с необычайной

легкостью движется своей молодой, упругой походкой по накапанному снегу бульвара. Бульвар мы проходим молча. Ни крики мальчишек, стремительно летящих нам под ноги на одном коньке, ни вид закутаных в теплые платки и лежащих в своих колясках-санках детей, ни веселый смех нянек — ничто не отвлекает Михаила Афанасьевича. Молча доходим мы до спуска с бульвара, что находится против Сивцева Вражка.

Сходим в Сивцев Вражек. Сразу при входе в переулок на стене висит большой рекламный щит, почти весь заклеенный афишами разных кинотеатров.

Он привлекает мое внимание. Я вижу название какой-то новой, только что вышедшей картины. И наконец решаюсь прервать молчание:

— Скажите, Михаил Афанасьевич, почему вы не пишете для кино? У вас это, наверное, замечательно получилось бы.

— И это было, Гриша, — отвечает Михаил Афанасьевич, — все было. Но мне кажется иногда, что я стреляю из какого-то загнутого не в ту сторону ружья. Вот, кажется, прицельсь. Все в порядке. Думаю, попаду в яблочко. Бац! И не туда! Пули ложатся где-то рядом. Не туда. Да...

Некоторое время мы опять идем молча.

— Позвонили мне тут как-то из Совкино, — вдруг начинает Михаил Афанасьевич. — «Михаил Афанасьевич, почему бы вам не написать для нас сценарий? Этакую, знаете ли, смешную комедию...»

— Что вы? — отвечаю я, — и никогда мне сейчас... пьесу я дописываю. Да и вообще как-то не думал о работе в кино.

— А мы поможем, — послышался из трубки ласковый голос, — вы только напишите нам что-нибудь..., ну, несколько страничек! Не сценарий, а либретто, что ли. Да даже не либретто, а заявочку. Просто-напросто — про что идет речь, какие персонажи, место действия... а мы уж разовьем. Додумаем, так сказать.

— Да я не знаю, — отвечаю я.

— А вы подумайте, — продолжает любезный голос, — мы вам позволим через денек, через два.

На том и расстались. Можете себе представить, Гриша, повесил я трубку, — часу не прошло, что-то начало в голове вертеться, а к вечеру и придумал сценарий. Ровно через два дня, точно, звонят.

— Ну, как, Михаил Афанасьевич? Как заявочка?

— Придумал, — говорю.

В телефоне — пауза.

— Так быстро?!

— Так быстро, — отвечаю.

— Ну, так мы пришлем курье-

ра. Сегодня-то не сможем, а вот через два-три дня обязательно. А вы напечатайте ее на машинке в трех экземплярах.

— Да чего ж печатать? — говорю я, — вы вот послушайте, я вам сейчас расскажу. А вы мне потом ответите, нужно на машинку или нет.

— Слушаю, — отвечает любезный голос.

— Значит, дело обстоит так. Сгорел в одном провинциальном городе зоопарк. А зверей, которые остались целы, решили расселить по квартирам тех людей, у которых есть свободная площадь. Вот и вселили к одному гражданину удава. А там, оказывается, в доме такая атмосфера, что удав не выдержал — на третий день уполз. Вот и все.

В трубке наступила зловещая тишина. Потом голос растерянно сказал:

— М-да... интересно... очень интересно... Вы вот что... Вы на машинку пока погодите, а дня через два-три мы позволим, и тогда обо всем договоримся. Ну вот и все, Гриша.

— Как все? — спросил я.

— Все, — отвечал Михаил Афанасьевич, — это уж с полгода как было. Так никто и не звонил. Вот. А вы говорите, кино. Разве это не смешно? — вдруг, резко вскинув на меня глаза, спросил Михаил Афанасьевич.

— Смешно, очень смешно.

— Честь имею кланяться, — прожав мне руку и шаркнув ногой, сказал Михаил Афанасьевич и скрылся в подъезде.

Я пошел домой тем же путем. На Арбатской площади, засыпанный снегом, сутулый, устремивший куда-то вдаль глаза, сидел Гоголь.